
КСЕНИЯ
СОБОЛЕВА
ИЗМЕНА.
Подожди радоваться,
дорогой!

Ксения Соболева

Измена: Подожди радоваться, дорогой!

«Литнет»
2026

Соболева К.

Измена: Подожди радоваться, дорогой! / К. Соболева — «Литнет», 2026

— Ты выйдешь на сцену и поздравишь меня с любовницей! — заявил муж, с которым я прожила тридцать один год. Он уже написал для меня речь, продал билеты на наше «счастливое расставание» и пообещал зрительницам, что я публично благословлю его новую любовь.Мне пятьдесят пять. Я помогала Эдуарду строить карьеру, верила ему и считала наш брак счастливым.
А он несколько месяцев изменял мне с молодой сотрудницей нашего же семейного проекта!Теперь муж требует, чтобы я улыбалась перед камерами, благодарила разлучницу и не портила ему репутацию. Когда я отказываюсь, он объявляет меня истеричкой и выставляет на посмешище перед тысячами подписчиц.Эдуард уверен: без него я никто. Он уже готовится торжествовать перед полным залом и ждёт, что я наконец смирюсь.Что ж, дорогой, я приду на твою конференцию. Только ты ещё не знаешь, какие доказательства я принесу с собой и кто на самом деле будет принимать поздравления!

© Соболева К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ТЫ ДОЛЖНА ПОЗДРАВИТЬ НАС, ЛАРА 5
ГЛАВА 2. ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД ОКАЗАЛИСЬ ЛОЖЬЮ 15
ГЛАВА 3. ИСТЕРИЧКА, КОТОРУЮ ОН ТЕРПЕЛ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

ГЛАВА 1. ТЫ ДОЛЖНА ПОЗДРАВИТЬ НАС, ЛАРА

Лариса Климова уже второй час сидела за кухонным столом, просматривая записи с последней встречи, и всё больше убеждалась, что мужу следовало бы наконец прислушаться к её предложениям. В сентябре на их обычное мероприятие пришли тридцать семь женщин, хотя ещё весной свободных мест практически не оставалось. Несколько постоянных участниц заранее предупредили, что в этот раз не смогут приехать, другие просто перестали отвечать на приглашения. Лариса прекрасно понимала, что интерес публики не может оставаться одинаковым годами, но Эдуард воспринимал любое уменьшение числа зрительниц как личное оскорбление. Он сердился на организаторов, обвинял сотрудников в недостаточном усердии и всё настойчивее требовал увеличить расходы на рекламу, хотя прежние вложения уже перестали приносить ожидаемые результаты.

На столе перед женщиной лежали исписанный блокнот, распечатанное расписание декабрьской конференции и несколько листов с предложениями, которые она намеревалась обсудить с мужем. Рядом стояла чашка давно остывшего чая, к которому Лариса так и не притронулась. Она поправила очки, зачеркнула неудачно сформулированный пункт и снова задумалась о том, как лучше объяснить Эдуарду необходимость перемен. За восемь лет существования проекта «Вместе навсегда» супруги привыкли работать сообща, хотя в последнее время муж всё чаще принимал решения самостоятельно. Лариса занималась приглашениями, разговаривала с женщинами, помогала готовить мероприятия и сама проводила часть встреч, а Эдуард выступал перед большой аудиторией и любил повторять, что именно его имя привлекает людей. Прежде подобные замечания казались ей безобидным проявлением мужского самолюбия, но теперь она всё чаще замечала, что супруг произносит их совершенно серьёзно.

В гостиной зазвонил телефон, и Лариса поднялась из-за стола, недовольно потирая затёкшую шею. На экране высветилось имя Маргариты Демидовой, её давней подруги, с которой они познакомились ещё задолго до появления семейного проекта. Маргарита иногда помогала с организацией мероприятий, особенно когда требовалось быстро разобраться с неожиданными неприятностями, и никогда не стеснялась говорить то, что думала. Лариса ответила на звонок, одновременно возвращаясь на кухню, и сразу услышала знакомый энергичный голос.

— Ларис, ты ещё над своими бумажками сидишь? — поинтересовалась Маргарита, даже не поздоровавшись как следует. — Я тебе вчера говорила, что до понедельника всё это прекрасно подождёт. У тебя сегодня вообще выходной или ты окончательно решила поселиться среди своих расписаний?

— Какой выходной, Рита, когда у нас декабрьская конференция на носу? — Лариса посмотрела на разложенные листы и тяжело вздохнула. — Эдик опять хочет заказать рекламу на какую-то совершенно безумную сумму. Я ему говорю, что лучше провести несколько небольших встреч, посмотреть, какие темы людям действительно интересны, а он даже слушать не желает. Уверен, что нам просто не хватает размаха.

— Размах у него всегда был замечательный, особенно когда деньги тратить нужно, — отозвалась Маргарита, и в её голосе послышалась привычная насмешка. — Ты только не обижайся, но последние месяцы Эдуард ведёт себя так, будто весь мир обязан покупать билеты исключительно из уважения к его замечательной персоне. Я на прошлой встрече слышала, как он разговаривал с девушкой на регистрации. Та бедная чуть не расплакалась, хотя совершенно ни в чём не виновата.

Лариса поморщилась, поскольку прекрасно помнила тот случай. Эдуард действительно наговорил молодой сотруднице лишнего, когда выяснилось, что несколько приглашённых гостей не приехали, но позднее уверял жену, что просто потребовал от девушки ответственного отношения к работе. Лариса тогда сделала ему замечание, однако муж раздражённо ответил,

что она постоянно защищает посторонних людей вместо того, чтобы поддерживать собственного супруга. Разговор закончился неприятной ссорой, и женщине совершенно не хотелось возвращаться к нему снова.

— Я с ним поговорила, Рита. Не думай, что мне нравится, когда он на людях голос повышает, — ответила Лариса, собирая разбросанные листы в аккуратную стопку. — Просто он в последнее время очень нервничает. Ты же знаешь, сколько сил мы вложили в этот проект, а теперь приходится буквально за каждую участницу бороться. Я и сама переживаю, только стараюсь на людях этого не показывать.

— Переживать можно по-разному, — заметила Маргарита, но продолжать спор не стала. — Ладно, не буду тебе настроение портить. Ты лучше скажи, в воскресенье ко мне выберешься? Я пирог обещала испечь, а ты уже третий раз отказываешься. Между прочим, твой муж вполне способен прожить несколько часов без твоего присмотра.

Лариса рассмеялась и пообещала приехать, если не возникнет ничего срочного. Они ещё немного поговорили о знакомых, обсудили новую соседку Маргариты и договорились созвониться ближе к выходным. Закончив разговор, Лариса некоторое время сидела с телефоном в руке, невольно размышляя над замечаниями подруги. В последнее время Эдуард действительно изменился, хотя сама она предпочитала объяснять это усталостью. Он стал раздражительнее, реже интересовался её мнением и всё чаще задерживался на работе, ссылаясь на встречи с рекламщиками. Но супруги прожили вместе тридцать один год, и Ларисе казалось совершенно естественным, что за столь долгое время отношения могут переживать разные периоды.

Она вернулась к бумагам, перечитала несколько предложений и отложила блокнот. Ей исполнилось пятьдесят пять лет, и иногда она с некоторым удивлением думала о том, как быстро пролетела большая часть жизни. Когда-то они с Эдуардом мечтали открыть небольшое семейное дело, которое позволило бы им больше времени проводить вместе. Потом появилась идея встреч для супружеских пар, первые выступления, благодарные слушательницы, постепенно увеличивавшаяся аудитория. Восемь лет назад они радовались, когда удавалось собрать двадцать человек, а теперь муж недовольно морщился при виде зала, в котором оставалось несколько свободных рядов. Лариса не считала прежние успехи чем-то незначительным и всё чаще сожалела, что Эдуард перестал получать удовольствие от самой работы.

Ближе к семи вечера она услышала, как в прихожей открылась входная дверь. Муж вернулся раньше обычного, что в последние недели случалось нечасто, и Лариса невольно обрадовалась. Она поднялась, поправила домашнюю кофту и направилась встречать его, надеясь, что сегодня удастся спокойно поговорить о декабрьской конференции. Эдуард стоял перед зеркалом, снимая дорогое тёмное пальто, и выглядел необычайно довольным. На его лице играла улыбка, которую жена хорошо помнила по временам первых успешных выступлений, когда мужчина возвращался домой воодушевлённый вниманием публики.

— Ты сегодня рано, — заметила Лариса, подходя к нему и привычно потянувшись за поцелуем. — Я уже думала, опять до девяти просидишь со своей рекламой. Ужинать будешь? Я котлеты сделала, картошка ещё тёплая, только салат нужно достать.

Эдуард коротко коснулся губами её щеки, но почти сразу отвернулся, чтобы повесить пальто. От него пахло дорогим одеколоном, который он раньше использовал исключительно по торжественным случаям, и Лариса невольно отметила, что муж в последнее время стал значительно внимательнее относиться к собственной внешности. Он даже поменял причёску, начал тщательнее выбирать рубашки и недавно купил несколько новых галстуков. На её шутливые замечания Эдуард отвечал, что публичный человек обязан выглядеть безупречно, и Лариса не находила в этом ничего особенно странного.

— Поужинаю, конечно, — ответил он, поправляя манжету рубашки. — Только сначала хочу кое-что тебе показать. У нас сегодня был очень продуктивный день, Лара. Кажется, мы наконец нашли именно то, чего не хватало проекту.

— Неужели решили всё-таки уменьшить расходы? — с надеждой спросила женщина, направляясь обратно на кухню. — Я как раз подготовила несколько предложений. Посмотришь после ужина, там ничего сложного, просто нужно немного изменить программу.

— Опять ты со своими маленькими встречами, — Эдуард недовольно поморщился, хотя хорошее настроение пока не покинуло его. — Лариса, мы с тобой не кружок рукоделия ведём, чтобы бесконечно собирать по пятнадцать человек. Нам нужен новый уровень, а не возвращение к тому, с чего начинали восемь лет назад. Кристина сегодня показала очень интересные расчёты, и я думаю, что мы наконец сможем серьёзно увеличить аудиторию.

Имя Кристины в последние месяцы звучало в доме настолько часто, что Лариса невольно нахмурилась. Молодая сотрудница появилась в проекте весной и почти сразу сумела завоевать расположение Эдуарда. Она прекрасно разбиралась в рекламе, умела находить общий язык с людьми и всегда держалась с супругами подчёркнуто приветливо. Несколько раз Кристина приходила к ним домой, помогала готовить материалы и даже оставалась ужинать. Лариса относилась к ней хорошо, хотя временами её раздражало, с каким восторгом муж отзывался о каждом предложении новой сотрудницы. Когда сама она говорила почти то же самое, Эдуард мог целый вечер спорить, но стоило Кристине произнести аналогичную мысль, как он немедленно объявлял её замечательной находкой.

— Кристина у тебя теперь во всём разбирается лучше остальных, — не удержалась Лариса, доставая из холодильника салатницу. — Я рада, что девушка работает, но иногда хотелось бы, чтобы ты и меня слушал хотя бы с половиной того внимания, которое уделяешь ей. Всё-таки я этим проектом занимаюсь не первый год.

— Опять начинаешь ревновать к сотрудникам? — Эдуард усмехнулся, усаживаясь за стол. — Лара, ну не смеши меня. Кристина молодой специалист, она понимает, как сейчас устроена реклама, а у тебя подходы остались прежними. Это не значит, что ты плохо работаешь, просто каждому следует заниматься тем, в чём он действительно силён.

Лариса хотела возразить, но удержалась. Спорить из-за Кристины ей казалось глупым, тем более что муж действительно нуждался в человеке, способном заниматься рекламой. Она поставила перед ним тарелку, принесла хлеб и села напротив, решив вернуться к разговору после ужина. Эдуард принялся есть с заметным аппетитом, время от времени поглядывая в телефон и довольно улыбаясь каким-то сообщениям. Лариса пыталась рассказать о разговоре с Маргаритой, однако муж слушал рассеянно, отвечал невпопад и несколько раз возвращался к обсуждению предстоящей конференции.

— Мы решили, что обычные семейные советы больше не работают, — объяснил он, отодвигая пустую тарелку. — Людям нужны настоящие истории, понимаешь? Не очередной разговор о том, как научиться слушать супруга, а что-нибудь такое, что заставит их задуматься о собственной жизни. Кристина предложила совершенно новый формат, и я уверен, что это будет настоящий успех.

— Мне тоже кажется, что людям надоели одинаковые выступления, — согласилась Лариса, хотя самодовольство мужа начинало её раздражать. — Только для этого необязательно тратить огромные деньги. Можно пригласить женщин, которые действительно пережили какие-нибудь сложные обстоятельства, дать им возможность рассказать о себе. Помнишь, как хорошо прошла встреча с Тамарой Егоровой? Она тогда столько вопросов задавала, что мы почти на час задержались.

— Тамара задавала вопросы, потому что не могла разобраться с собственным мужем, — отмахнулся Эдуард. — И вообще, Лара, я сейчас не о чужих историях говорю. У нас есть

возможность сделать нечто гораздо интереснее. Ты лучше приготовь чай, а я принесу бумаги. Хочу, чтобы ты внимательно прочитала всё, что мы сегодня подготовили.

Лариса удивилась такой торжественности, но спорить не стала. Она убрала со стола посуду, поставила чайник и достала из шкафа две любимые чашки. Эдуард тем временем прошёл в гостиную, где оставил портфель, и вскоре вернулся с аккуратной папкой тёмно-синего цвета. Он положил её перед женой, придвинул стул и устроился рядом, словно собирался представить исключительно важный документ. Лариса невольно улыбнулась, вспомнив, как много лет назад муж точно так же показывал ей первые наброски будущего семейного проекта. Тогда они сидели на этой же кухне до глубокой ночи, спорили о названии, придумывали темы встреч и с таким воодушевлением обсуждали возможный успех, будто впереди их ожидало необыкновенное приключение.

— Ну, показывай, что вы там придумали, — сказала она, открывая папку. — Только сразу предупреждаю, Эдик, если опять предлагаешь пригласить какую-нибудь знаменитость за бешеные деньги, я буду возражать. У нас ещё прошлые расходы толком не окупились.

— Не торопись с выводами, Лара. На этот раз всё будет гораздо интереснее, — ответил Эдуард, наблюдая за её лицом с почти мальчишеским удовольствием. — Почитай сначала, а потом поговорим. Я уверен, что ты оценишь идею, когда поймёшь, какие перед нами открываются возможности.

На первой странице крупными буквами было напечатано название будущего выступления: «Любить — значит уметь отпускать». Ниже располагался небольшой вступительный текст, в котором говорилось о семейных переменах, зрелой любви и способности двух взрослых людей сохранить уважение друг к другу даже после расставания. Лариса прочитала первые строки и кивнула, решив, что речь идёт об одной из тем предстоящей конференции. Подобные разговоры они проводили и раньше, особенно когда обсуждали трудности супружеских отношений после пятидесяти. Однако уже на следующей странице женщина заметила собственное имя и невольно остановилась.

Согласно подготовленному тексту, она должна была обратиться к зрительницам с признанием, что долгие годы считала свой брак счастливым, но постепенно поняла: настоящая любовь иногда требует отпустить человека, если его сердце больше не принадлежит семье. Дальше следовал пространный рассказ о том, как они с Эдуардом ещё весной приняли непростое, но мудрое решение завершить отношения, сохранив взаимную благодарность. Лариса нахмурилась и вернулась к началу страницы, решив, что неправильно поняла смысл написанного. Она перечитала несколько строк, затем перевернула лист и почувствовала, как внутри поднимается неприятный холод.

На следующей странице говорилось, что бывший супруг встретил новую любовь, а Лариса, преодолев первоначальную растерянность, искренне порадовалась за него. Ей предлагалось признаться перед публикой, что она благодарна женщине, сумевшей подарить Эдуарду счастье, которого он давно заслуживал. Завершалось выступление трогательными словами о том, что тридцать один год совместной жизни навсегда останется прекрасной частью их общей истории. Лариса некоторое время смотрела на бумагу, не понимая, почему собственное имя стоит рядом с совершенно выдуманными признаниями.

— Эдик, это что такое? — спросила она наконец, медленно поднимая глаза на мужа. — Я не поняла, мы какую-то вымышленную историю показывать собираемся? Почему здесь написано, что мы с тобой разводимся? И кто эта женщина, которой я должна быть благодарна?

Эдуард не ответил сразу. Он взял чашку, осторожно подул на горячий чай и сделал небольшой глоток, словно ожидал именно такого вопроса. На его лице по-прежнему сохранялось довольное выражение, хотя теперь Лариса заметила в нём некоторую напряжённость. Муж поставил чашку на стол, поправил лежащие перед ним бумаги и только после этого посмотрел жене в глаза.

— Это наша история, Лара. Просто пока ты ещё не знаешь всех обстоятельств, — произнёс он таким спокойным голосом, что женщина невольно выпрямилась. — Я собирался поговорить с тобой раньше, но не хотел устраивать неприятных сцен до того, как мы подготовим всё необходимое. Думаю, теперь уже можно объяснить. Мы с тобой будем разводиться.

Лариса несколько секунд молча смотрела на мужа, ожидая, что он рассмеётся или пояснит свои слова. Эдуард, однако, оставался совершенно серьёзен. Он даже слегка улыбнулся, словно только что сообщил о давно запланированной поездке, которую жена по каким-то причинам успела забыть. Женщина почувствовала, как у неё задрожали пальцы, и осторожно положила лист на стол, чтобы муж не заметил её состояния.

— Что ты сказал? — переспросила она, хотя прекрасно расслышала каждое слово. — Как это мы будем разводиться? Ты сейчас серьёзно, Эдик? Мы с тобой вчера обсуждали отпуск на следующий год, а сегодня ты приносишь мне какую-то бумагу и объявляешь, что наш брак закончился?

— Лара, я прошу тебя не повышать голос, — поморщился Эдуард, отодвигаясь от стола. — Именно поэтому я и откладывал разговор. Ты слишком эмоционально воспринимаешь любые перемены, а я хотел сначала всё обдумать. Мы уже давно живём скорее по привычке, чем по любви, просто ты предпочитала этого не замечать.

— По какой привычке? — Лариса резко поднялась со стула, едва не опрокинув чашку. — Ты в своём уме вообще? Мы тридцать один год женаты, у нас дом, работа, вся жизнь вместе! Ты мне ещё в воскресенье говорил, что я самая замечательная женщина на свете, а теперь оказывается, что мы давно живём по привычке?

Эдуард тяжело вздохнул и посмотрел на жену с выражением человека, вынужденного выслушивать совершенно бессмысленные возражения. Он явно рассчитывал на другой разговор, более спокойный и деловой, и теперь раздражался из-за того, что Лариса не желала принимать предложенные обстоятельства. Женщина же смотрела на него и всё сильнее чувствовала, что происходит нечто страшное. Перед ней сидел знакомый до мельчайших привычек мужчина, с которым она прожила большую часть жизни, но выражение его лица казалось совершенно чужим.

— Ты можешь хотя бы дослушать меня, прежде чем устраивать скандал? — спросил Эдуард, повысив голос. — Я не собираюсь отрицать, что у нас было много хорошего. Но жизнь не стоит на месте, Лара. Мне скоро шестьдесят, и я наконец хочу честно признаться себе, что имею право на счастье. Не на привычку, не на постоянные споры из-за работы, а на настоящие чувства.

— А раньше ты, значит, несчастным был? — Лариса с трудом сдерживала желание схватить мужа за плечи и заставить посмотреть ей в глаза. — Все эти годы ты мучился рядом со мной, бедненький? Так почему же молчал? Почему продолжал спать со мной, строить планы, рассказывать людям, какая у нас замечательная семья?

Муж раздражённо провёл ладонью по волосам и отвернулся к окну. Несколько мгновений он молчал, словно выбирая наиболее подходящие слова, а потом снова посмотрел на Ларису. Теперь в его взгляде появилось выражение, которое женщина уже замечала во время рабочих споров: снисходительное терпение человека, уверенного в собственной правоте.

— Потому что не хотел причинять тебе боль раньше времени, — ответил Эдуард. — Я действительно многое ценю из нашей совместной жизни, но теперь всё изменилось. Я встретил другую женщину, Лара. И я её люблю.

Женщина почувствовала, будто из кухни внезапно исчез весь воздух. Она медленно опустилась обратно на стул, продолжая смотреть на мужа, и несколько раз открыла рот, не сумев произнести ни слова. Эдуард воспользовался её молчанием, придвинул к себе папку и принялся аккуратно складывать листы, словно самый трудный момент разговора уже остался позади. Лариса смотрела на его руки, на знакомое обручальное кольцо, которое он по-преж-

нему носил, и никак не могла совместить происходящее с собственной жизнью ещё несколько часов назад.

— Кто? — спросила она наконец хриплым, непривычным голосом. — Кто эта женщина, Эдик? Я её знаю?

Муж на мгновение замялся. Эта короткая пауза оказалась для Ларисы страшнее любого ответа, поскольку она вдруг вспомнила бесконечные разговоры о новой сотруднице, поздние задержки, телефонные сообщения и дорогое одеколонное облако, которое в последнее время окружало мужа даже во время обычных рабочих дней. Женщина почувствовала, как сердце начинает биться всё быстрее, и сама произнесла имя, прежде чем Эдуард успел открыть рот.

— Кристина? — Лариса подалась вперёд, вцепившись пальцами в край стола. — Только не говори мне, что это Кристина Невская. Та самая Кристина, которая здесь ужинала, которая мне про свои проблемы рассказывала и называла меня замечательной женщиной?

— Я не собираюсь ничего скрывать, — ответил Эдуард, и в его голосе послышалось даже некоторое облегчение. — Да, это Кристина. Мы сблизились во время работы, постепенно поняли, что испытываем друг к другу серьёзные чувства. Я не планировал, что всё так получится, но иногда люди встречают настоящую любовь совершенно неожиданно.

Лариса резко оттолкнула стул и поднялась. Она прошла к окну, обхватила себя руками, затем почти сразу вернулась к столу, не находя места от переполнявших её чувств. Ей хотелось закричать, ударить ладонью по столешнице, швырнуть мужу в лицо лежащую перед ним папку. Вместо этого она несколько секунд смотрела на Эдуарда, пытаясь разглядеть в его лице хотя бы намёк на стыд. Но мужчина выглядел скорее раздражённым необходимостью давать объяснения.

— Значит, Кристина, — проговорила Лариса, и её голос дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Та самая девочка, которой я помогала выбирать подарок для её матери. Которая сидела здесь, за моим столом, и рассказывала, как ей повезло работать с такой прекрасной семьёй. Ты хоть понимаешь, какую гадость вы оба сделали?

— Не нужно оскорблять Кристину, — немедленно вмешался Эдуард, нахмурившись. — Она ни в чём перед тобой не виновата. У нас с тобой давно были проблемы, и если бы ты внимательнее относилась к моим чувствам, возможно, всё сложилось бы иначе. Не надо искать виноватых там, где люди просто перестали любить друг друга.

— Ах, она не виновата! — Лариса не выдержала и громко рассмеялась, хотя от этого смеха самой стало страшно. — Это я, значит, виновата, что она с моим мужем спала? Может, мне ещё извиниться перед ней за то, что тридцать один год мешала вам жить вместе? Скажи уж сразу, Эдик, чего ты от меня хочешь!

Муж недовольно посмотрел на неё, но неожиданно ответил с прежней уверенностью. Он снова придвинул папку, словно именно в этих листах заключалось решение всех семейных неприятностей. Лариса заметила, что мужчина даже не пытается оправдываться. Ему гораздо важнее было вернуться к обсуждению предстоящей конференции, чем объяснить жене причины предательства.

— Я хочу, чтобы ты повела себя разумно, — произнёс он. — Мы с Кристиной вместе с июля, и теперь я собираюсь строить с ней новую жизнь. Но это не значит, что нужно устраивать скандалы и уничтожать всё, что мы создавали столько лет. У нас впереди большая конференция, за которую уже заплачены серьёзные деньги. Если правильно представить нашу историю, она может стать самым успешным мероприятием за последние годы.

Лариса смотрела на мужа, постепенно осознавая подлинный смысл приготовленного текста. Он не просто решил уйти к другой женщине. Он заранее продумал, как использовать их расставание ради денег, и собирался заставить её сыграть роль благодарной супруги, добровольно уступающей место любовнице. Женщина снова взяла несколько страниц и перечитала

строки, которые ещё недавно казались ей каким-то нелепым недоразумением. Теперь каждое слово приобретало совершенно иной, отвратительный смысл.

— Подожди, — Лариса подняла ладонь, останавливая мужа, который снова собирался что-то объяснять. — Ты только что сказал, что спишь с Кристиной с июля. А здесь написано, будто мы с тобой ещё весной решили расстаться и только потом ты встретил другую женщину. Это что, Эдик? Ты хочешь, чтобы я перед чужими людьми соврала и сказала, будто сама тебя отпустила?

— Лара, не надо цепляться к каждому слову, — раздражённо ответил мужчина. — Какая разница, когда именно мы приняли решение? Для людей важна общая история, а не какие-то мелкие семейные подробности. Мы покажем, что взрослые люди могут расходиться без грязи и взаимных обвинений. Ты сохранишь репутацию достойной женщины, я получу возможность спокойно начать новую жизнь, и все останутся довольны.

— Все? — переспросила Лариса, глядя на него с откровенным изумлением. — Ты правда считаешь, что я должна остаться довольна? Ты изменял мне несколько месяцев, приводил любовницу в наш дом, а теперь предлагаешь выйти перед людьми и объявить, какая я счастливая, что ты меня бросил? Да ты совсем совесть потерял!

Эдуард резко поднялся. Он был выше жены почти на голову и обычно старался не использовать это преимущество во время ссор, но теперь подошёл к ней вплотную, явно намереваясь заставить замолчать. Лариса не отступила. Она смотрела на мужа снизу вверх и чувствовала, как вместе с яростью поднимается мучительная обида, от которой болезненно сжималось горло.

— Перестань кричать, Лариса! — потребовал Эдуард, с силой положив ладонь на стол. — Я тебе нормальным языком объясняю, что у нас есть возможность разойтись цивилизованно. Вместо этого ты ведёшь себя так, будто я обязан до конца жизни оставаться рядом с тобой только потому, что когда-то женился. Мне пятьдесят девять лет, и я не собираюсь тратить оставшиеся годы на отношения, которые давно перестали приносить радость.

— А мне пятьдесят пять, Эдик, — ответила Лариса, не отводя взгляда. — И я тоже не собираюсь тратить остаток жизни на человека, который считает меня полной дурой. Ты даже не удосужился сначала поговорить со мной, а уже расписал, что я должна чувствовать и говорить. Ты вообще понимаешь, насколько это мерзко?

Муж недовольно отвернулся, прошёл к окну и несколько секунд смотрел во двор. Лариса видела, что её слова задели его, но вовсе не так, как она надеялась. Эдуард сердился не на собственный поступок, а на нежелание жены принять предложенные условия. Он явно представлял этот разговор совершенно иначе и теперь не мог поверить, что тщательно подготовленные объяснения не произвели ожидаемого впечатления.

— Я предлагаю тебе очень достойный выход из ситуации, — сказал он наконец, снова повернувшись к ней. — Подумай сама, Лара, сколько женщин после развода оказываются никому не нужными, озлобленными, несчастными. А у тебя будет возможность сохранить лицо, остаться частью проекта и даже получить хорошее вознаграждение за выступление. Мы с Кристиной специально предусмотрели, чтобы ты не выглядела обиженной брошенной женой.

При упоминании Кристины Лариса почувствовала новый приступ ярости. Получалось, что любовница не просто знала о предстоящем разводе, но и принимала непосредственное участие в подготовке унизительной речи. Женщина представила, как эти двое сидели где-нибудь в студии, обсуждали её возраст, положение, будущие слёзы и придумывали слова, которые она должна произнести перед публикой. От подобной картины ей стало почти дурно.

— Вы с Кристиной предусмотрели? — Лариса с силой отодвинула папку. — Господи, какая же гадость! Значит, вы сидели вдвоём и сочиняли, как я буду благодарить её за то, что она увела моего мужа? И ты ещё пришёл сюда довольный, будто подарок мне принёс! Да как у тебя язык повернулся такое предложить?

— Кристина просто помогала с подготовкой материала, — ответил Эдуард, но теперь в его голосе звучало явное раздражение. — Не надо делать из неё чудовище. Она, между прочим, гораздо внимательнее отнеслась к твоему положению, чем ты сейчас способна оценить. Мы могли вообще ничего не предлагать, а просто объявить о разводе и продолжить работать без тебя.

— Так объявляйте! — Лариса почти выкрикнула эти слова, указывая на дверь. — Только не смейте приплетать меня к вашему счастью! Я не собираюсь ни благодарить твою любовницу, ни изображать счастливую женщину, которой необыкновенно повезло избавиться от мужа. Хочешь уходить — уходи, но не требуй, чтобы я ещё и аплодировала тебе вслед!

Эдуард посмотрел на неё с холодным недовольством, затем неожиданно пожал плечами. Казалось, он окончательно решил, что жена просто переживает первую вспышку обиды и потому пока не способна рассуждать здраво. Мужчина достал телефон, открыл какую-то страницу и положил аппарат перед Ларисой. На экране появилось яркое рекламное изображение с их совместной фотографией, сделанной несколько лет назад во время одного из самых успешных мероприятий. Под снимком крупными буквами было написано название декабрьской конференции, а ниже обещалась откровенная история супругов Климовых о достойном завершении многолетнего брака и начале новой жизни.

Лариса долго смотрела на экран, не решаясь прикоснуться к телефону. На фотографии они с Эдуардом улыбались, стоя рядом перед полным залом. Муж обнимал её за плечи, она смотрела на него с нескрываемой нежностью, и теперь это изображение казалось женщине особенно жестоким издевательством. Она перевела взгляд ниже и увидела кнопку покупки билетов. Рядом располагалось сообщение о том, что часть мест уже занята, а регистрация продолжается.

— Это что такое, Эдуард? — спросила Лариса, и её голос вдруг стал непривычно тихим. — Ты уже объявил людям, что мы разводимся? Ты даже меня не спросил, а теперь продаёшь билеты на историю нашего расставания?

— Мы пока не раскрывали всех подробностей, — ответил муж, будто именно это должно было её успокоить. — Просто обозначили основную тему. Кристина считает, что такой подход вызовет большой интерес, и пока всё подтверждается. Продажи пошли значительно лучше, чем мы ожидали, поэтому сейчас особенно важно не испортить впечатление какой-нибудь необдуманной выходкой.

Лариса медленно положила телефон на стол. Теперь ей стало понятно, почему муж последние дни пребывал в таком хорошем настроении, почему постоянно разговаривал с Кристиной и почему сегодня вернулся домой с видом человека, добившегося большого успеха. Он уже подготовил собственный развод, придумал для жены подходящую роль, начал продавать билеты и лишь после этого решил сообщить ей, что их семья больше не существует. Женщина почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но почти сразу смахнула их резким движением ладони.

— Значит, ты всё уже решил, — проговорила она, глядя на мужа. — И про развод решил, и про Кристину, и про то, что я должна говорить. А меня спросить даже не подумал? Тридцать один год мы вместе прожили, Эдик, и ты считаешь, что можешь вот так просто распоряжаться моей жизнью?

— Лара, ну зачем ты опять всё усложняешь? — Эдуард устало развёл руками. — Я же объяснил, что предлагаю вполне разумный вариант. Мы оба взрослые люди, нам не по двадцать лет, чтобы устраивать сцены ревности и бить посуду. Поверь, через какое-то время ты сама поймёшь, что я поступил правильно. Возможно, ещё благодарить меня будешь.

Последние слова окончательно вывели Ларису из себя. Она схватила лежащий перед ней лист с приготовленным выступлением, быстро сделала несколько фотографий на собственный телефон и снова посмотрела на мужа. Эдуард наблюдал за её действиями с недоумением, но

не вмешивался, вероятно, решив, что жена наконец заинтересовалась предложением. Однако уже через несколько секунд женщина сложила бумагу пополам и с силой разорвала её, затем схватила следующую страницу и проделала то же самое.

— Ты что делаешь?! — возмутился Эдуард, пытаясь перехватить у неё оставшиеся листы. — Лариса, прекрати немедленно! Ты вообще представляешь, сколько времени ушло на подготовку этого материала?

— А мне плевать, сколько времени вы с любовницей на него потратили! — выкрикнула женщина, разрывая последнюю страницу. — Могли хоть целую неделю сидеть и сочинять, как я должна благодарить вас за собственное унижение! Я ничего из этого читать не буду, слышишь? Ни одной строчки!

Она швырнула обрывки мужу на стол, и несколько кусочков бумаги упали на пол возле его ног. Эдуард отступил, затем посмотрел на испорченные листы и покачал головой с выражением почти искреннего разочарования. Лариса ожидала, что он наконец разозлится по-настоящему, начнёт оправдываться или хотя бы признает чудовищность своего предложения. Но мужчина только поправил манжету рубашки и посмотрел на жену с привычной снисходительной улыбкой.

— Ну вот, я именно этого и ожидал, — произнёс он, стараясь говорить спокойно. — Сейчас ты накричишься, поплачешь, потом всё обдумаешь и поймёшь, что другого разумного выхода нет. Ты же не станешь уничтожать наше общее дело из-за обыкновенной женской ревности. Тем более когда на кону такие деньги.

Лариса замерла перед ним, сжимая кулаки так сильно, что ногти болезненно впились в ладони. Ей хотелось ударить мужа, заставить хотя бы на мгновение перестать улыбаться и увидеть в её лице не раздражающую помеху, а человека, которому он причинил страшную боль. Но ещё сильнее её поразило другое: Эдуард действительно не сомневался, что рано или поздно она выполнит его требования. За тридцать один год он настолько привык к её помощи и поддержке, что теперь воспринимал их как нечто само собой разумеющееся, даже собираясь уйти к другой женщине.

— Ты правда думаешь, что я соглашусь? — спросила Лариса, делая шаг к мужу. — Думаешь, я поплачу пару дней, а потом надену красивое платье, выйду перед твоими зрительницами и расскажу, какой ты замечательный человек? Да ты даже не представляешь, насколько ошибаешься, Эдик.

— Я думаю, что ты достаточно умная женщина, чтобы не рубить сгоряча, — ответил он, снова усмехнувшись. — У тебя впереди ещё много времени, чтобы всё обдумать. А сейчас я предлагаю закончить этот бессмысленный разговор, потому что завтра у меня важная встреча и совершенно нет желания всю ночь выслушивать обвинения.

Лариса смотрела на него и чувствовала, как последние остатки прежней уверенности в собственном браке рушатся прямо у неё на глазах. Этот мужчина когда-то держал её за руку в роддоме, когда она навещала тяжело заболевшую сестру, сидел рядом во время бессонных ночей, радовался её успехам и уверял, что никогда не позволит никому причинить ей боль. Теперь он стоял на их кухне, окружённый обрывками приготовленного для неё унизительного выступления, и спокойно рассуждал о деньгах, которые они смогут заработать на разводе. Лариса вдруг поняла, что больше не хочет ни объяснений, ни оправданий. Ей хотелось лишь одного: чтобы муж хотя бы на мгновение почувствовал, насколько мерзко поступил.

— Подожди радоваться, дорогой, — произнесла она, глядя Эдуарду прямо в глаза. — Ты ещё даже не представляешь, какую ошибку совершил. И если ты думаешь, что я позволю тебе превратить наш развод в красивое представление для твоей любовницы, то очень скоро убедишься, насколько плохо знаешь женщину, с которой прожил тридцать один год.

Эдуард лишь покачал головой, словно услышал очередную бессмысленную угрозу. Он собрал оставшиеся бумаги, положил телефон в карман и направился к выходу из кухни, на ходу

заметив, что Ларисе лучше успокоиться и не предпринимать ничего необдуманного. Женщина не ответила. Она осталась стоять возле стола, на котором ещё недавно раскладывала планы их совместной работы, и долго смотрела на остывший чай, пустую тарелку мужа и обрывки бумаги, разбросанные по полу. Из гостиной донёсся приглушённый звук телефонного звонка, а затем она услышала голос Эдуарда, неожиданно мягкий и ласковый. Он разговаривал с Кристиной, уверяя её, что всё прошло именно так, как он предполагал, и скоро они смогут окончательно решить оставшиеся вопросы.

Лариса медленно опустилась на стул и закрыла лицо ладонями. Несколько секунд она сидела совершенно неподвижно, пытаясь справиться с подступавшими слезами, а потом резко выпрямилась и потянулась за собственным телефоном. На экране ещё сохранялись фотографии приготовленной Эдуардом речи, и женщина одну за другой открыла их, внимательно рассматривая слова, которые муж собирался вложить ей в уста. Она пока не знала, что будет делать завтра, как переживёт предстоящий развод и сумеет ли когда-нибудь избавиться от мучительной обиды. Но в одном Лариса уже не сомневалась: мужчина, который только что весело обсуждал с любовницей их будущее, слишком рано решил, что избавился от собственной жены и теперь может безнаказанно распоряжаться даже её чувствами.

ГЛАВА 2. ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД ОКАЗАЛИСЬ ЛОЖЬЮ

Лариса почти не спала. Несколько раз за ночь ей удавалось ненадолго задремать, но каждый раз она просыпалась с неприятным ощущением, что случилось что-то страшное, и лишь спустя несколько мгновений вспоминала вчерашний разговор. Эдуард признался в измене, объявил о разводе и предложил ей публично поздравить его с новой любовью. Эти события никак не укладывались в голове, хотя женщина прекрасно помнила каждое произнесённое мужем слово. Она лежала на своей половине широкой кровати, смотрела на светлую полоску между шторами и прислушивалась к звукам в квартире. Муж ночевал в кабинете, куда ушёл после очередного телефонного разговора с Кристиной. Ближе к полуночи Лариса слышала, как он прошёл на кухню, налил воды и вернулся обратно, даже не заглянув в спальню. Ей тогда хотелось вскочить, догнать его и потребовать новых объяснений, но она побоялась, что снова начнёт кричать и не сможет произнести ничего вразумительного.

К семи утра женщина окончательно оставила попытки уснуть и отправилась на кухню. Она поставила чайник, достала из шкафа чашку, потом вспомнила, что собиралась выпить кофе, и раздражённо вернула чашку на место. На столе ещё лежала тёмно-синяя папка, которую Эдуард вчера принёс домой с таким торжественным видом. Обрывки подготовленной для неё речи исчезли: муж собрал их перед сном и выбросил, словно хотел поскорее избавиться от следов неприятного разговора. Лариса открыла папку и обнаружила несколько рекламных листов с их совместной фотографией. На одном из них крупными буквами обещалась история супругов, сумевших сохранить благодарность и уважение после завершения долгого брака. Она несколько секунд смотрела на собственную улыбающуюся физиономию, а затем с силой захлопнула папку.

Из кабинета донёсся негромкий стук, потом скрипнула дверь шкафа. Лариса замерла, прислушиваясь к знакомым звукам, и вдруг поняла, что муж собирает вещи. Это открытие оказалось неожиданно болезненным. Вчерашний разговор ещё можно было воспринимать как чудовищную ссору, после которой супруги остынут и снова сядут за стол, чтобы разобраться в произошедшем. Но теперь Эдуард действительно готовился уйти, и каждый звук из соседней комнаты подтверждал окончательность его решения. Лариса выключила чайник, даже не дождавшись кипения воды, и направилась в кабинет.

Муж стоял перед раскрытым чемоданом, аккуратно складывая рубашки. На кресле лежали два костюма, рядом с письменным столом стояла дорожная сумка, а на подоконнике были разложены часы, запонки и несколько других мелочей. Эдуард уже успел переодеться в тёмные брюки и светлую рубашку, тщательно причесался и выглядел настолько собранным, будто готовился к обычной рабочей поездке. Увидев жену, он на мгновение остановился, затем снова принялся складывать одежду.

— Доброе утро, Лара, — произнёс он совершенно будничным тоном. — Я постараюсь долго не задерживаться. Основные вещи заберу сейчас, остальное потом, когда ты немного успокоишься. Надеюсь, мы сможем обойтись без вчерашнего представления.

Лариса остановилась на пороге, не веря собственным ушам. Она всю ночь мучилась воспоминаниями, представляла мужа рядом с другой женщиной, пыталась понять, как проживёт без него хотя бы ближайшую неделю, а Эдуард разговаривал так, словно вчера они всего лишь поспорили из-за неправильно выбранного времени отпуска. Особенно невыносимым показалось его замечание о необходимости успокоиться. Женщина медленно вошла в комнату и остановилась возле чемодана.

— Ты, значит, уже собрался? — спросила она, глядя на аккуратно уложенные рубашки. — Даже не подумал, что нам с тобой ещё разговаривать нужно? Вчера вывалил на меня всё это, переночевал в кабинете, а сегодня решил спокойно переехать к любовнице?

— А что ты предлагаешь? — Эдуард выпрямился и недовольно посмотрел на неё. — Остаться здесь ещё на месяц, чтобы каждый вечер выслушивать обвинения? Мы вчера всё обсудили, Лара. Я объяснил тебе своё решение, и ничего нового за ночь не произошло.

— Мы ничего не обсудили! — возразила Лариса, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — Ты объявил мне, что спишь с Кристиной с июля, а потом полчаса рассказывал, сколько денег можно заработать на нашем разводе. Я до сих пор не понимаю, когда ты успел превратиться в такого мерзавца. И уж извини, но я не собираюсь делать вид, будто это обычный переезд.

Эдуард тяжело вздохнул и закрыл один из ящиков стола. Его явно раздражало, что разговор снова принимает неприятный оборот. Он подошёл к шкафу, снял с плечиков ещё одну рубашку и принялся складывать её, старательно расправляя рукава. Лариса смотрела на эти привычные движения и вспоминала, сколько раз сама собирала мужу чемодан перед поездками. Он всегда забывал какую-нибудь мелочь, а потом звонил из гостиницы и шутливо жаловался, что без жены совершенно беспомощен. Сейчас Эдуард справлялся самостоятельно и, судя по всему, не испытывал ни малейшего сожаления.

— Я не собираюсь перед тобой оправдываться за то, что влюбился, — ответил он наконец. — Такие вещи случаются, особенно когда люди прожили вместе столько лет. Мы с тобой давно перестали понимать друг друга, и я не вижу смысла продолжать притворяться. Ты ведь сама постоянно недовольна мной, споришь из-за работы, критикуешь мои решения. Неужели тебе действительно кажется, что у нас всё было замечательно?

— Мне казалось, что у нас семья, Эдик! — Лариса подошла ближе, не позволяя ему отвернуться. — Да, мы спорили. Иногда ругались, иногда друг на друга обижались, но я никогда не думала, что из-за этого нужно бежать в постель к сотруднице. Ты хоть раз за последние месяцы сказал мне, что больше не любишь? Хоть раз предложил поговорить о том, что между нами происходит?

— Я пытался, — раздражённо ответил мужчина, хотя Лариса прекрасно видела, что он не может вспомнить ни одного подобного разговора. — Просто ты всегда воспринимала любые замечания как личное оскорбление. С тобой невозможно спокойно обсуждать неприятные вещи. Вот и сейчас, посмотри на себя, ты с самого утра устраиваешь скандал, хотя я просил дать мне возможность спокойно собраться.

— Ты называл меня любимой ещё две недели назад! — Лариса почти выкрикнула эти слова и сама удивилась, насколько громко прозвучал её голос. — Мы были у Светланы на ужине, помнишь? Ты обнимал меня перед всеми, рассказывал, какая я замечательная жена, и говорил, что без меня давно бы ничего не добился. Ты уже тогда спал с Кристиной или решил изменить мне только после того ужина?

Эдуард остановился. На несколько мгновений его лицо стало напряжённым, словно он пытался вспомнить тот самый вечер, а затем мужчина раздражённо пожал плечами. Лариса не отводила взгляда, ожидая ответа. Она прекрасно помнила, как муж тогда притянул её к себе за плечи и поцеловал в висок, а сидевшая напротив знакомая с улыбкой заметила, что Климовы по-прежнему ведут себя как молодожёны. Лариса тогда рассмеялась, хотя немного смутилась от неожиданной нежности супруга.

— Да, уже тогда, — произнёс Эдуард после короткой паузы. — Но это не значит, что всё, что я говорил, было ложью. Ты действительно много сделала для меня, и я благодарен тебе за прожитые годы. Просто не нужно путать благодарность с любовью. Это разные вещи, Лариса, и в нашем возрасте пора бы научиться их различать.

Женщина отступила на шаг, словно муж неожиданно толкнул её. Ей хотелось спросить, как можно одновременно благодарить жену за прожитые годы и обманывать её с другой жен-

щиной, но она вдруг почувствовала такую усталость, что на несколько секунд лишилась способности говорить. Эдуард воспользовался её молчанием и снова потянулся к чемодану. Он положил сверху свёрнутый серый джемпер, который Лариса купила ему прошлой зимой, и разгладил ткань ладонью. На рукаве была едва заметная заштопанная ниткой дырочка, оставшаяся после того, как муж зацепился за металлическую ручку шкафа. Лариса сама зашивала её однажды вечером, когда Эдуард сидел рядом и рассказывал о какой-то удачной встрече.

— И давно ты перестал меня любить? — спросила она, заставив себя снова заговорить. — Месяц назад, год, пять лет? Или всё это время просто пользовался тем, что я рядом, готовлю тебе, помогаю с работой и верю каждому слову? Скажи хотя бы сейчас правду, Эдик. Я ведь имею право знать, с кем прожила тридцать один год.

— Не начинай опять с этих обвинений, — поморщился муж. — Никто тобой не пользовался, и я не собираюсь перечёркивать всю нашу жизнь только потому, что теперь хочу жить иначе. Когда-то я тебя любил, разумеется. Мы были молоды, у нас было много общего, мы строили планы. Но люди меняются, и нет никакого смысла цепляться за отношения, которые давно себя исчерпали.

Лариса медленно опустилась в кресло возле окна. Она помнила этого мужчину двадцатисемилетним, когда он ещё не носил дорогих костюмов и не умел разговаривать с таким снисходительным спокойствием. Тогда Эдуард мог всю ночь сидеть с ней на кухне, обсуждая самые невероятные планы, а утром отправлялся на работу, почти не выспавшись. Они жили скромно, покупали мебель постепенно и радовались каждой вещи, которая делала квартиру уютнее. Когда у мужа возникали неприятности с работой, Лариса подбадривала его и убеждала не отчаиваться. Позднее, когда они задумали собственный семейный проект, именно она обзванивала знакомых, договаривалась о первом помещении и собственноручно раскладывала на стульях распечатанные программы.

— Помнишь нашу первую встречу? — неожиданно спросила Лариса, глядя на мужа снизу вверх. — В маленьком зале, где половина стульев шаталась, а микрофон всё время отключался. Ты тогда так волновался, что перед выступлением три раза спросил, правильно ли завязан галстук. А потом увидел, сколько женщин пришло, и сказал, что мы обязательно сделаем что-нибудь настоящее. Ты ведь тогда не делил всё на своё и моё, Эдик. Мы вместе радовались каждому человеку, который нас слушал.

Эдуард перестал складывать вещи. Он посмотрел на жену, затем перевёл взгляд на чемодан и неожиданно улыбнулся, словно вспомнил что-то приятное. Лариса хорошо знала эту улыбку. Когда-то именно такой он смотрел на неё после удачного выступления или неожиданно хорошей новости, и сердце женщины болезненно сжалось от внезапно возникшей надежды.

— Помню, конечно, — ответил мужчина, присаживаясь на край письменного стола. — Там ещё какая-то женщина принесла с собой термос и предложила всем чай, потому что в помещении было холодно. А ты потом полвечера считала выручку и радовалась, что мы хотя бы за аренду расплатились. Хорошее было время, Лара. Я ведь не говорю, что у нас ничего хорошего не было.

Лариса почувствовала, как к глазам подступают слёзы. На несколько мгновений перед ней снова оказался прежний Эдуард, с которым можно было смеяться над общими воспоминаниями и которому не требовалось объяснять, почему маленькие события иногда значат гораздо больше больших успехов. Она даже потянулась к его руке, лежавшей на краю стола, но муж уже поднялся. Он снова принялся собирать вещи, и выражение его лица постепенно стало прежним — деловитым, нетерпеливым и уверенным.

— Только, понимаешь, Лара, нельзя всю жизнь жить воспоминаниями, — продолжил он, укладывая в чемодан небольшой несессер. — Тогда мы были другими людьми, у нас были другие возможности. Теперь я добился определённого положения, у меня есть планы, перспек-

тивы. А ты по-прежнему хочешь устраивать маленькие встречи и радоваться тому, что мы хотя бы за аренду расплатились. Мне этого уже недостаточно.

— Значит, теперь я тебе не соответствую? — Лариса резко выпрямилась, чувствуя, как недавняя надежда сменяется обидой. — Пока мы вместе начинали, я была хорошая, а когда ты решил, что стал великим человеком, сразу оказалась ненужной? Ты хоть слышишь себя со стороны?

— Я говорю, что мы развиваемся по-разному, — ответил Эдуард, раздражённо застёгивая чемодан. — Ты всё время хочешь меня остановить, упростить, уменьшить расходы, отказаться от новых возможностей. Кристина хотя бы понимает, что настоящий успех требует смелости. Она поддерживает мои идеи, а не встречает каждую из них бесконечными возражениями.

Лариса невольно рассмеялась, хотя от этого смеха у неё самой защипало в глазах. Теперь выходило, что причиной разрушения их брака стали вовсе не отношения Эдуарда с молодой сотрудницей, а её нежелание безоговорочно восхищаться каждым предложением мужа. Она вспомнила, сколько раз за последние годы спорила с ним о ненужных расходах, сколько раз предупреждала, что некоторые мероприятия могут не окупиться, и как часто впоследствии оказывалась права. Однако Эдуард почти никогда не признавал этого, предпочитая объяснять неудачи обстоятельствами или ошибками сотрудников.

— Кристина тебя поддерживает, потому что ей очень удобно восхищаться человеком, который платит ей деньги, — сказала Лариса, не пытаясь скрыть злости. — И потому что ты, как выяснилось, ещё и спишь с ней. Я вот тридцать один год рядом с тобой прожила, поэтому иногда имею наглость говорить правду. А тебе теперь, оказывается, нужна женщина, которая будет смотреть тебе в рот и хлопать в ладоши.

— Ты опять оскорбляешь Кристину, — резко ответил Эдуард, и его лицо потемнело. — Она прекрасно работает и заслуживает уважения. В отличие от тебя, между прочим, она умеет выслушивать чужое мнение, не превращая каждый разговор в ссору. Я давно устал от того, что дома мне приходится постоянно оправдываться за собственные решения.

— Тогда не оправдывайся, — Лариса поднялась с кресла и указала на раскрытую дорожную сумку. — Собирай свои вещи и отправляйся к той, которая так замечательно тебя понимает. Только не рассказывай мне потом, что я сама разрушила нашу семью. Это ты привёл в нашу жизнь другую женщину, Эдик, а теперь пытаешься сделать виноватой меня.

Муж некоторое время смотрел на неё с недовольством, но продолжать спор не стал. Он прошёл в спальню, чтобы забрать оставшиеся вещи, и Лариса последовала за ним. В комнате всё выглядело точно так же, как вчера утром: аккуратно заправленная кровать, светлые занавески, небольшая фотография в рамке на комоде. На ней они стояли на морском берегу несколько лет назад, когда наконец смогли позволить себе длительный отпуск. Эдуард тогда ещё не был настолько увлечён работой, и они почти две недели проводили вместе, гуляли, купались и ужинали в маленьких прибрежных кафе. Лариса смотрела на фотографию и не могла поверить, что человек, обнимавший её на том снимке, теперь совершенно спокойно собирается уйти к другой женщине.

Эдуард открыл шкаф и принялся снимать с плечиков костюмы. Лариса заметила, что он забирает почти всю свою одежду, оставляя лишь несколько старых рубашек и домашние вещи. Такая основательность неприятно поразила её. Муж явно готовился к переезду заранее, просто до вчерашнего вечера предпочитал скрывать свои намерения. Женщина подошла к комоду, взяла их совместную фотографию и некоторое время держала её в руках, не решаясь ни поставить обратно, ни убрать с глаз.

— Ты ведь уже давно собирался уйти, правда? — спросила она, повернувшись к мужу. — Не вчера решил и не на прошлой неделе. Ты уже всё приготовил, договорился с Кристиной,

придумал эту мерзкую конференцию. А я тут сижу, составляю нам расписание на декабрь и думаю, как помочь тебе справиться с работой.

— Мы обсуждали разные варианты, — ответил Эдуард, даже не обернувшись. — Я не хотел торопиться, пока не будет понятно, как лучше организовать дальнейшую жизнь. Теперь всё достаточно определённо, поэтому нет смысла откладывать. Кристина предложила пожить пока у неё, а потом мы решим, нужно ли нам другое жильё.

— Она предложила, — повторила Лариса, осторожно ставя фотографию на место. — Какая заботливая женщина. Значит, у вас уже и жильё обсуждалось, и будущая жизнь, и моя роль на конференции. А мне оставили только возможность узнать обо всём последней.

Эдуард недовольно вздохнул и захлопнул дверцу шкафа. Он явно считал, что жена намеренно затягивает разговор, хотя сам только что сообщил ей подробности, о которых она не имела ни малейшего представления. Лариса смотрела на его лицо и чувствовала, что больше не узнаёт выражения этих глаз. Когда-то Эдуард был человеком, который не мог спокойно заснуть после серьёзной ссоры и обязательно приходил мириться, даже если считал себя правым. Теперь он торопился уйти и раздражался от одного лишь её присутствия.

— Лара, я понимаю, что тебе неприятно, — произнёс муж, стараясь говорить мягче. — Но ты должна признать, что мы давно отдалились друг от друга. Я ведь не собираюсь оставлять тебя без средств или выгонять из дома. Квартира твоя, живи спокойно, никто на неё не претендует. Мы можем нормально договориться обо всём остальном, а после развода продолжить работать вместе, если ты перестанешь воспринимать происходящее как личное оскорбление.

Лариса несколько секунд смотрела на него, не веря, что муж действительно способен произнести подобные слова. Онговорил о квартире, деньгах и совместной работе, словно речь шла о прекращении какого-нибудь делового сотрудничества. Но больше всего её поразило предложение продолжать работать вместе после развода. Получалось, что Эдуард уже решил избавиться от жены, но по-прежнему рассчитывал пользоваться её временем, связями и помощью, когда это окажется выгодно.

— Ты действительно считаешь, что я после всего этого продолжу с тобой работать? — спросила Лариса, подходя ближе. — Буду приглашать женщин на твои выступления, готовить тебе материалы, помогать с организацией, а потом возвращаться домой и делать вид, что меня совершенно не касается, с кем ты теперь спишь? Ты хоть немного понимаешь, насколько это отвратительно?

— А почему нет, если мы договоримся цивилизованно? — Эдуард пожал плечами, словно не видел в её вопросе ничего необычного. — У нас общее дело, которое приносит деньги, и разрушать его из-за личных обстоятельств глупо. Ты прекрасно умеешь заниматься организацией, я хорошо выступаю, Кристина отвечает за рекламу. Если каждый будет выполнять свою работу, все останутся в выигрыше.

— Как удобно ты всё устроил, — Лариса почувствовала, как снова начинает закипать. — Жена будет работать, любовница будет рядом с тобой, а ты станешь выступать перед женщинами и рассказывать, какой замечательный человек. Только вот знаешь что, Эдик? Ты сначала попробуй хоть день прожить, не распоряжаясь моей жизнью, а потом уже рассказывай, как нам всем будет хорошо.

Муж раздражённо захлопнул чемодан и взял его за ручку. Он прошёл в прихожую, несколько раз вернулся за забытыми вещами и наконец остановился перед зеркалом, поправляя воротник рубашки. Лариса стояла неподалёку, прислонившись плечом к дверному косяку. Она ощущала страшную усталость после бессонной ночи и тяжёлого разговора, но не могла заставить себя уйти в другую комнату. Ей хотелось увидеть, как именно муж покинет квартиру, где они прожили столько лет. До последней минуты она ждала, что Эдуард вдруг остановится, обернётся и скажет хотя бы несколько человеческих слов.

— Я оставлю тебе запасной комплект ключей на тумбочке, — сообщил мужчина, застёгивая пальто. — Остальное заберу позже, когда мы оба будем поспокойнее. И, пожалуйста, не начинай звонить всем знакомым с рассказами о том, какой я негодяй. Мы взрослые люди, Лара, и могли бы сохранить хотя бы элементарное уважение друг к другу.

— Уважение? — Лариса оттолкнулась от косяка и подошла к нему. — Ты несколько месяцев изменял мне с женщиной, которую я принимала в собственном доме, а теперь требуешь уважения? Ты хоть раз подумал, что я чувствую? Хоть раз за всё это время тебе стало меня жалко?

Эдуард замер, держа руку на дверной ручке. На его лице промелькнуло что-то похожее на растерянность, и Лариса вдруг почувствовала, что сейчас он, возможно, впервые скажет правду. Но мужчина лишь покачал головой и осторожно поставил чемодан на пол. Он протянул руку, словно собирался прикоснуться к плечу жены, однако Лариса отступила прежде, чем он успел это сделать.

— Мне жаль, что всё получилось так болезненно, — произнёс Эдуард, заметно смягчив голос. — Поверь, я не хотел причинять тебе страдания. Но нельзя заставить человека любить, если чувства закончились. Я надеюсь, когда-нибудь ты сможешь это понять и перестанешь обвинять меня во всём.

— Я не заставляю тебя любить, Эдик, — ответила Лариса, с трудом удерживая слёзы. — Я пытаюсь понять, почему ты не нашёл в себе смелости честно поговорить со мной до того, как начал спать с другой. Ты мог уйти, мог сказать, что больше не хочешь быть рядом. Это было бы ужасно, но хотя бы не так подло. А ты предпочёл сначала устроить собственное счастье, а потом поставить меня перед фактом.

Эдуард ничего не ответил. Он снова взял чемодан, открыл дверь и остановился на пороге, словно ожидал, что жена всё-таки попрощается с ним по-хорошему. Лариса смотрела на его спину, на знакомое пальто и аккуратно подстриженные волосы, стараясь запомнить этот момент. Ещё вчера она считала его своим мужем, самым близким человеком, с которым собиралась встретить старость. Теперь он стоял в дверях с чемоданом, собираясь ехать к любовнице, и всё ещё выглядел совершенно уверенным в правильности собственного решения.

— Я позвоню насчёт конференции, когда ты успокоишься, — сказал Эдуард, прежде чем выйти. — Кристина подготовит новый вариант выступления, возможно, он тебе больше понравится. Только очень прошу, Лара, не принимай сейчас никаких решений сгоряча.

Лариса не выдержала и резко захлопнула дверь, едва муж успел переступить порог. Она ещё несколько секунд стояла в прихожей, сжимая дверную ручку, а затем повернула замок и прислонилась спиной к двери. Из подъезда доносились удаляющиеся шаги, потом негромко загудел лифт. Женщина слушала эти звуки и чувствовала, как внутри постепенно нарастает ужас от происходящего. Эдуард действительно ушёл. Не после обычной семейной ссоры, не в командировку и не на работу, а к другой женщине, с которой уже несколько месяцев строил планы на будущее.

Она медленно прошла в спальню и остановилась перед открытым шкафом. Половина мужской одежды исчезла, на полках остались несколько забытых вещей, а в воздухе ещё сохранялся запах его одеколона. Лариса машинально поправила перекосившиеся плечики, затем с раздражением бросила их обратно. Ей вдруг стало противно от собственной привычки немедленно наводить порядок после Эдуарда. Даже теперь, когда муж ушёл к любовнице, она первым делом принялась поправлять за ним вещи.

Несколько минут Лариса ходила по квартире, не находя себе места. Она зашла на кухню, налила воды, сделала несколько глотков и снова вернулась в спальню. На комоде по-прежнему стояла фотография с морского отдыха. Женщина взяла её, внимательно рассмотрела улыбающееся лицо мужа и вдруг вспомнила, как во время той поездки Эдуард однажды проснулся среди ночи, потому что ей стало плохо после ужина. Он тогда почти до утра сидел рядом,

приносил воду, искал лекарства и сердился, когда Лариса пыталась убедить его вернуться в постель. Она так ясно вспомнила его встревоженное лицо, что невольно расплакалась.

— Ну как же ты мог, Эдик? — прошептала женщина, присаживаясь на край кровати. — Ведь не чужие же мы друг другу люди. Тридцать один год вместе прожили, а ты даже поговорить со мной по-человечески не смог.

Она заплакала сильнее, прижимая фотографию к коленям, и некоторое время совершенно не пыталась остановиться. Воспоминания приходили одно за другим, причём самые обыкновенные почему-то ранили сильнее всего. Ей вспомнилось, как Эдуард однажды поскользнулся на кухне и они оба долго смеялись, как вместе выбирали первый большой телевизор, как спорили из-за цвета занавесок и потом несколько лет подшучивали друг над другом. Ничего необыкновенного в этих событиях не было, но именно из них состояла их совместная жизнь. Теперь Лариса не понимала, что делать с огромным количеством воспоминаний, в которых муж ещё оставался любящим, внимательным и совершенно родным человеком.

Ближе к полудню она наконец заставила себя подняться. Лицо после слёз опухло, голова болела, а во рту чувствовалась неприятная сухость. Лариса умылась холодной водой, переоделась в домашние брюки и решила хотя бы немного поесть, хотя совершенно не испытывала аппетита. Но стоило ей открыть холодильник, как она увидела контейнер с приготовленными накануне котлетами и снова почувствовала приступ злости. Вчера она старалась приготовить мужу хороший ужин, радовалась его раннему возвращению и даже собиралась обсудить предстоящий отпуск. А Эдуард уже тогда знал, что после ужина объявит ей о любовнице.

Телефон зазвонил, когда Лариса пыталась налить себе чай. Она вздрогнула, схватила аппарат и с неожиданным волнением посмотрела на экран. Звонил Эдуард. На мгновение ей захотелось поверить, что муж одумался, что сейчас скажет нечто важное или хотя бы признается, насколько ужасно поступил. Она быстро ответила, стараясь придать голосу спокойствие.

— Да, Эдик, я слушаю, — произнесла женщина, опираясь ладонью о стол. — Что-то забыл? Или всё-таки решил поговорить нормально, без этих своих красивых объяснений?

— Лара, я оставил зарядку от ноутбука в кабинете, — сообщил муж совершенно деловым тоном. — Посмотри, пожалуйста, она должна лежать возле стола. Я вечером заеду или попрошу кого-нибудь забрать, потому что завтра она мне понадобится для работы.

Лариса несколько секунд молчала, не веря собственным ушам. Она ожидала чего угодно, но только не просьбы найти забытую зарядку. Эдуард между тем продолжал объяснять, где именно лежит нужный провод, и раздражённо переспросил, слышит ли она его. Женщина почувствовала, как недавняя слабая надежда сменяется жгучей обидой.

— Ты серьёзно сейчас? — спросила она, едва сдерживая крик. — Ты сегодня утром ушёл от меня к любовнице, а теперь звонишь, чтобы я поискала тебе зарядку? Ты хоть понимаешь, что со мной происходит? Я всю ночь не спала, Эдуард, а ты даже не поинтересовался, как я себя чувствую!

— Лариса, пожалуйста, не начинай опять, — раздражённо ответил мужчина. — Мне действительно нужна эта вещь, и я не вижу смысла превращать обычный вопрос в очередной скандал. Если тебе неприятно разговаривать со мной, просто скажи, где она лежит, и я заберу самостоятельно. Неужели теперь из-за каждой мелочи придётся устраивать выяснение отношений?

— Вот и забирай самостоятельно! — Лариса отодвинула чашку и повысила голос. — И впредь не звони мне с подобными просьбами, словно ничего не произошло. У тебя теперь есть Кристина, вот пусть она и занимается твоими зарядками, галстуками и прочими замечательными потребностями. Я больше не собираюсь бегать за тобой и делать вид, будто мы по-прежнему счастливая семья!

Эдуард сердито выдохнул и прекратил разговор, бросив напоследок, что жена ведёт себя совершенно неразумно. Лариса ещё некоторое время смотрела на погасший экран, испыты-

вая почти непреодолимое желание немедленно перезвонить и высказать всё, что не успела. Она даже открыла список последних вызовов, но в последний момент остановилась. Ей стало ясно, что муж действительно воспринимает её переживания как временное неудобство, которое рано или поздно закончится. Он не испытывал необходимости оправдываться, поскольку давно решил для себя, что поступает правильно.

Однако спустя несколько минут Лариса всё-таки написала ему сообщение. Она хотела получить ясный ответ хотя бы на один вопрос, который мучил её со вчерашнего вечера. Женщина несколько раз переписывала текст, удаляла слишком резкие выражения и наконец отправила короткое сообщение с просьбой подтвердить, когда именно начались его отношения с Кристиной и когда он впервые заговорил с любовницей об уходе из семьи. Ей хотелось понять, сколько времени муж сознательно обманывал её, продолжая жить обычной семейной жизнью.

Ответ пришёл не сразу. Лариса успела вымыть посуду, выбросить остывший завтрак и вернуться в гостиную, когда телефон наконец коротко звякнул. Эдуард написал, что уже объяснял всё вчера и не понимает, зачем снова возвращаться к неприятной теме. Затем, словно желая окончательно прекратить расспросы, добавил, что встречаться с Кристиной начал в июле, а о разводе всерьёз задумался позднее, когда убедился в собственных чувствах. Последней строкой он потребовал не устраивать публичных скандалов и не рассказывать знакомым подробности его личной жизни.

Лариса перечитала сообщение несколько раз. Июль. Она вспомнила свой день рождения в конце весны, когда муж подарил ей красивое колье и сказал, что хочет ещё много лет встречать рядом с ней каждое утро. Потом вспомнился август, когда они ездили на несколько дней за город, гуляли по лесу и обсуждали будущую конференцию. Эдуард тогда был необычайно внимателен, сам предложил выбраться отдохнуть и вечером долго рассказывал о том, как благодарен ей за поддержку. Теперь Лариса знала, что в то время у него уже была другая женщина.

Она открыла переписку ещё раз и сделала снимки экрана, стараясь сохранить все сообщения. Ей пока не приходило в голову, что когда-нибудь эти слова могут понадобиться для публичного разоблачения мужа. Просто женщина боялась, что спустя несколько дней Эдуард начнёт отрицать сказанное или снова попытается убедить её, будто они давно договорились расстаться. Лариса уже слышала, насколько уверенно он рассказывал о выдуманном весеннем решении завершить брак, и теперь хотела иметь перед глазами подтверждение того, что никакого общего решения не существовало.

— Значит, в июле, — проговорила она, откладывая телефон. — А я ещё думала, почему ты всё лето такой довольный ходишь. Надо же, какое счастье у человека случилось, пока жена ему рубашки гладила и ужины готовила.

Последние слова прозвучали в пустой комнате, и Лариса невольно поморщилась. Она никогда не считала себя женщиной, обязанной заниматься исключительно домашними делами, и Эдуард прекрасно знал, сколько времени она уделяла работе. Но сейчас ей было обидно от мысли, что все привычные проявления заботы муж воспринимал совершенно естественно, одновременно устраивая собственную жизнь с любовницей. Лариса вспомнила, как несколько недель назад сама предложила Кристине отдохнуть и не задерживаться допоздна, потому что та выглядела уставшей. Эдуард тогда проводил молодую сотрудницу до машины, а жена даже не подумала, что они могли встречаться не только на работе.

Ближе к вечеру Лариса наконец позвонила Маргарите. Она несколько раз собиралась сделать это раньше, но всё откладывала разговор, поскольку не представляла, как произнесёт вслух случившееся. Вчера они с подругой обсуждали декабрьскую конференцию, шутили над раздражительностью Эдуарда и договаривались встретиться в воскресенье. Теперь оказалось, что семейный проект, которым Лариса так гордилась, скоро станет для неё напоминанием о чудовищном предательстве. Она набрала знакомый номер и почти сразу услышала голос подруги.

— Ларис, ну что, разобралась со своими бумагами? — весело спросила Маргарита. — Я как раз собиралась тебе звонить. Представляешь, мне сегодня предложили такую нелепую программу мероприятия, что я полчаса пыталась понять, кто вообще мог это придумать. Ты только послушай...

— Рита, — перебила её Лариса, с трудом выговаривая имя подруги. — Ты можешь ко мне приехать? Только сегодня, если получится. Мне очень нужно с тобой поговорить, а по телефону я, наверное, не смогу.

Маргарита мгновенно перестала смеяться. Она хорошо знала Ларису и сразу поняла, что произошло нечто серьёзное. Несколько секунд подруга молчала, а затем осторожно спросила, не случилось ли чего с Эдуардом. Лариса почувствовала, как к глазам снова подступают слёзы, и отвернулась к окну.

— Случилось, Рита, — ответила она, с трудом справляясь с голосом. — Эдик от меня ушёл. Оказывается, он уже несколько месяцев спит с Кристиной, а вчера объявил, что хочет развестись. И знаешь, что самое мерзкое? Он ещё требует, чтобы я на конференции поздравила их с новой любовью. Я даже не представляю, как тебе всё это рассказать.

На другом конце провода воцарилась тишина. Лариса слышала только дыхание подруги и какие-то приглушённые звуки, словно Маргарита встала и направилась в другую комнату. Потом та коротко спросила, находится ли Эдуард дома. Узнав, что мужчина уже переехал к любовнице, Маргарита произнесла несколько весьма нелестных слов в его адрес и сообщила, что немедленно приедет.

— Только ты, пожалуйста, ничего сейчас не делай, — добавила подруга, и её голос стал непривычно серьёзным. — Не звони ему, не езди к этой Кристине и не пытайся выяснять отношения одна. Я скоро буду, всё расскажешь спокойно. И даже не думай стесняться, если захочешь поплакать, потому что после такого у любого человека нервы сдадут.

Лариса положила телефон и некоторое время сидела неподвижно. Ей стало немного легче от того, что теперь о случившемся знает хотя бы один близкий человек. До этого момента она чувствовала себя совершенно одинокой, словно весь мир продолжал жить привычной жизнью, пока её собственная семья разрушалась. Она поднялась, решила приготовить чай к приезду Маргариты и вдруг обнаружила, что совершенно не помнит, когда последний раз ела. В холодильнике стояли вчерашние котлеты, но смотреть на них было неприятно, поэтому женщина достала сыр, нарезала хлеб и поставила на стол небольшую вазочку с печеньем.

Маргарита приехала меньше чем через час. Она появилась на пороге с большой сумкой в руках, даже не стала снимать пальто и сразу обняла Ларису. Та сначала пыталась держаться, но стоило почувствовать знакомые руки подруги на плечах, как слёзы снова хлынули сами собой. Маргарита крепко прижала её к себе, несколько раз погладила по спине и молча подождала, пока женщина немного успокоится. Лишь после этого она помогла Ларисе закрыть дверь, сняла обувь и направилась вместе с ней на кухню.

— Так, рассказывай с самого начала, — сказала Маргарита, усаживаясь за стол и внимательно рассматривая лицо подруги. — Только ничего не пропускай, даже если тебе кажется, что это неважно. Я хочу понять, что этот красавец натворил и давно ли окончательно потерял совесть.

Лариса начала рассказывать о вчерашнем вечере, но уже через несколько минут снова заплакала. Она говорила сбивчиво, возвращалась к одним и тем же подробностям, перескакивала с приготовленной речи на отношения Эдуарда с Кристиной и никак не могла объяснить, что ранило её сильнее. Маргарита не перебивала, лишь изредка задавала уточняющие вопросы и подливала чай. Когда Лариса наконец показала фотографии подготовленного выступления, подруга несколько минут молча читала текст, а потом медленно положила телефон на стол.

— Нет, ну это уже какое-то особенное свинство, — произнесла Маргарита, и в её голосе прозвучала такая искренняя злость, что Лариса невольно подняла голову. — Я всякое про

Эдуарда думала в последнее время, но чтобы он до такого додумался... Значит, бросить жену ради любовницы ему мало, надо ещё заставить её перед залом благодарности рассыпать? И Кристина, конечно, тоже в этом участвовала?

— Они вместе всё придумали, — ответила Лариса, вытирая глаза салфеткой. — Он сам сказал, что Кристина помогала готовить речь и рекламу. Представляешь, Рита, эта девица сидела у меня за столом, рассказывала, как ей нравится наша семья, а потом вместе с Эдиком сочиняла, что я должна говорить после развода. Я ведь ей доверяла, понимаешь? Даже жалела её иногда, потому что она всё время жаловалась на усталость.

Маргарита с силой поставила чашку на блюдце. Она всегда отличалась прямым характером и не привыкла скрывать собственное мнение, но теперь выглядела по-настоящему разгневанной. Лариса даже удивилась, увидев, насколько сильно подругу задело произошедшее. В последние годы Маргарита нередко спорила с Эдуардом и несколько раз открыто называла его самодовольным, однако никогда прежде не позволяла себе говорить о нём с таким презрением.

— Знаешь, Ларис, меня больше всего поражает даже не сама измена, — сказала она после короткой паузы. — Люди, к сожалению, и не такое вытворяют. Но ведь он не просто ушёл, а заранее придумал, как ты должна себя вести, чтобы ему было удобно. И самое мерзкое, что он действительно уверен: ты согласишься. Он так привык, что ты его поддерживаешь, что даже сейчас рассчитывает на твою помощь.

— Он сегодня прямо сказал, что мы можем продолжать работать втроём, — Лариса горько усмехнулась и покачала головой. — Представляешь эту прекрасную картину? Я буду приглашать женщин на выступления, Кристина заниматься рекламой, а Эдик рассказывать, как важно сохранять уважение после развода. И все довольны, кроме меня, конечно. Хотя, по его мнению, я тоже должна быть счастлива, что мне вообще разрешили остаться при деле.

Маргарита не удержалась от нескольких резких замечаний в адрес Эдуарда, и на этот раз Лариса даже рассмеялась. Смех получился коротким и нервным, но после него женщина впервые за целый день почувствовала небольшое облегчение. Подруга продолжала возмущаться, вспоминала случаи, когда Эдуард позволял себе разговаривать с сотрудниками свысока, и признавалась, что давно перестала понимать, почему Лариса постоянно оправдывает его поведение. Героиня сначала хотела возразить, но затем устало махнула рукой.

— Я ведь его любила, Рита, — произнесла она, глядя в чашку. — И, наверное, до сих пор люблю, как бы противно мне ни было это признавать. Он ведь не всегда таким был. Ты помнишь, какой Эдик раньше был? Как он за мной ухаживал, как мог из-за какого-нибудь пустяка целый вечер переживать, если видел, что меня обидел?

— Помню, конечно, — ответила Маргарита, и её лицо немного смягчилось. — Я же не утверждаю, что он всю жизнь был негодяем. Когда вы поженились, он действительно на тебя наглядеться не мог. Просто за последние годы слишком уж поверил в собственную исключительность. Ты ведь сама замечала, как он изменился, только всё время находила этому объяснения.

Лариса не стала спорить. Она вспомнила, как муж постепенно привык к вниманию публики, как начал раздражаться, если после выступления женщины подходили с вопросами не к нему, а к ней, и как однажды довольно резко заявил, что Ларисе следует меньше импровизировать, поскольку главным лицом проекта является он. Тогда они серьёзно поссорились, но позднее Эдуард пришёл мириться, принёс цветы и уверял, что просто перенервничал. Лариса поверила ему, поскольку за годы брака привыкла считать подобные вспышки временными неприятностями. Теперь она понимала, что муж постепенно перестал воспринимать её как равную.

Разговор продолжался до позднего вечера. Маргарита несколько раз предлагала Ларисе поесть, заставила её хотя бы немного выпить чаю с бутербродом и постепенно помогла разобраться в самых неприятных обстоятельствах. Они договорились, что пока героиня не станет

предпринимать резких действий и тем более не будет публично выяснять отношения с любовницей. Лариса раздражённо возражала, что совершенно не собирается прятаться и молчать, однако подруга терпеливо объясняла: никто не требует от неё терпения, просто сейчас важно не позволить Эдуарду воспользоваться её болью ещё раз. В конце концов женщина согласилась хотя бы до утра не звонить мужу, хотя прекрасно понимала, насколько трудно будет сдержать обещание.

Когда Маргарита отправилась на кухню помыть чашки, Лариса осталась в гостиной и машинально открыла нижний ящик комода. Там хранились старые фотографии, несколько писем и небольшая коробка с памятными вещами, которые она собирала на протяжении многих лет. Женщина достала коробку, поставила её на колени и начала перебирать содержимое. Среди пожелтевших открыток, билетов с давних концертов и маленьких сувениров лежала аккуратная стопка карточек, перевязанных тонкой ленточкой. Лариса сразу узнала их и почувствовала, как к горлу снова подступает болезненный комок.

Каждую осень, в годовщину их знакомства, Эдуард приносил ей букет белых хризантем. Эта традиция появилась ещё в первые годы брака, когда супруги жили довольно скромно и не всегда могли позволить себе дорогие подарки. Лариса очень любила хризантемы, а муж однажды купил ей огромный букет на последние свободные деньги, после чего они вместе смеялись над его расточительностью. С тех пор Эдуард почти никогда не забывал о цветах. Иногда он приносил их рано утром, иногда заказывал доставку, если находился в поездке, но каждый букет обязательно сопровождался небольшой открыткой с одной и той же фразой: «Спасибо, что ты есть».

Лариса развязала ленточку и достала карточку, полученную прошлой осенью. Почерк мужа был хорошо знакомым, немного неровным, с крупными буквами и длинными росчерками. На обороте стояла короткая дата, а ниже те самые слова, которые он писал ей много лет подряд. Женщина вспомнила, как в тот вечер они сидели дома вдвоём, ужинали и обсуждали предстоящий отпуск. Эдуард тогда неожиданно признался, что иногда сам удивляется, сколько всего им удалось пережить вместе. Лариса ответила, что надеется ещё много лет получать от него хризантемы, и муж рассмеялся, пообещав не прекращать традицию.

— Ларис, ты чего там нашла? — спросила Маргарита, возвращаясь из кухни с полотенцем в руках. — Я тебе говорю, надо бы уже спать ложиться, а ты опять в каких-то бумагах копаешься. Покажи, что такое, может, я помогу разобраться.

Лариса молча протянула подруге открытку. Маргарита внимательно прочитала несколько слов, затем посмотрела на стопку похожих карточек и всё поняла. Она присела рядом на диван, осторожно положила руку Ларисе на плечо и некоторое время молчала, давая ей возможность собраться с мыслями. Женщина рассматривала знакомый почерк и чувствовала, как снова начинает дрожать подбородок.

— Он ведь каждый год мне их приносил, Рита, — проговорила Лариса, с трудом справляясь со слезами. — Даже когда мы ругались, даже когда денег не было или работы много. Я всегда думала, что раз человек помнит такие вещи, значит, любит. В прошлом году он мне говорил, что ещё лет двадцать будет хризантемы дарить, если я, конечно, не прогоню его за какие-нибудь глупости.

Маргарита осторожно взяла открытку из её рук и положила обратно в коробку. Она явно не знала, что ответить, и Лариса была благодарна ей за это молчание. Сейчас любые привычные слова о том, что время всё исправит, показались бы женщине бессмысленными. Она не хотела слышать, что впереди её обязательно ожидает новое счастье, поскольку ещё вчера была совершенно уверена в существовании старого. Ей хотелось понять, как можно прожить с человеком тридцать один год и вдруг обнаружить, что он уже несколько месяцев строит другую жизнь, сохраняя при этом все привычные семейные нежности.

— Я сегодня утром на него смотрела и всё ждала, что он остановится, — призналась Лариса, снова обращаясь к подруге. — Представляешь, Рита, даже после всего, что он наговорил, я всё равно ждала. Думала, сейчас закроет чемодан, посмотрит на меня и скажет, что не может уйти вот так. А он только про зарядку потом позвонил. Ему зарядка понадобилась, понимаешь? Не жена, с которой он тридцать один год прожил, а проклятая зарядка от ноутбука.

Маргарита неожиданно рассердилась и крепче сжала руку подруги. Она сказала, что Лариса имеет полное право злиться, плакать и ненавидеть бывшего любимого человека за то, как он с ней обошёлся. При этом подруга попросила не пытаться сегодня окончательно разобраться во всей прожитой жизни, поскольку за одну бессонную ночь невозможно понять, почему близкий человек оказался способен на такое предательство. Лариса слушала её и постепенно успокаивалась, хотя внутри по-прежнему болезненно отзывалось каждое воспоминание.

— А знаешь, что самое обидное? — спросила она после долгой паузы, закрывая коробку с открытками. — Он ведь даже не понимает, что сделал. Уверен, что я поплачу, покричу немного, а потом соглашусь на его условия. И ещё, наверное, буду улыбаться этой Кристине, когда они вместе выйдут на сцену. Мне иногда кажется, что он уже совсем забыл, какая я на самом деле.

— Не забыл, Ларис, — ответила Маргарита, внимательно посмотрев на подругу. — Просто слишком привык, что ты его любишь и потому многое прощаешь. Но любить человека и позволять ему издеваться над собой — совсем разные вещи. Ты ведь сама это прекрасно понимаешь, только сейчас тебе слишком больно, чтобы спокойно рассуждать.

Лариса медленно кивнула. Она действительно понимала, что не обязана сохранять хорошие отношения с человеком, который сознательно унизил её, однако от этого осознания боль не становилась меньше. Ей всё ещё хотелось услышать от Эдуарда хотя бы одно настоящее извинение, увидеть раскаяние или понять, что он тоже переживает из-за разрушенного брака. Вместо этого муж спокойно поселился у Кристины и продолжал заниматься подготовкой конференции, словно в его жизни ничего страшного не произошло. Лариса с раздражением подумала, что, возможно, любовники уже сейчас сидят где-нибудь за ужином и обсуждают, как скоро она наконец согласится на предложенную роль.

— Я ведь не хочу ему ничего прощать, Рита, — сказала женщина, и её голос постепенно окреп. — Не сейчас, во всяком случае. Мне хочется, чтобы он хотя бы один раз почувствовал себя так, как я чувствую себя сегодня. Чтобы ему тоже стало больно, чтобы он перестал улыбаться и рассуждать, как всё замечательно устроил. Я понимаю, что говорю ужасные вещи, но мне правда хочется увидеть, как он пожалеет о своём поступке.

Маргарита не стала осуждать подругу. Она поднялась, принесла из кухни ещё немного горячего чая и предложила переночевать у Ларисы, чтобы та не оставалась одна в таком состоянии. Женщина сначала попыталась отказаться, уверяя, что вполне справится самостоятельно, но потом всё-таки согласилась. Ей было страшно снова оказаться в пустой спальне, где каждая вещь напоминала о муже, и присутствие близкого человека казалось сейчас особенно необходимым.

Перед сном Лариса убрала коробку с открытками обратно в комод, но одну карточку оставила на поверхности. Она долго смотрела на написанную рукой Эдуарда фразу, вспоминая, с какой радостью принимала эти цветы на протяжении многих лет. Потом осторожно перевернула открытку чистой стороной вверх и положила рядом с фотографией из морского отпуска. Женщина не собиралась уничтожать воспоминания о собственном браке, хотя теперь многие из них причиняли ей боль. Тридцать один год невозможно было просто вычеркнуть из жизни, но и продолжать защищать человека, который так легко от неё отказался, она больше не хотела.

Маргарита уже устроилась на диване в гостиной, когда Лариса наконец выключила свет и направилась в спальню. Остановившись на пороге, она ещё раз посмотрела на широкую кровать и пустую половину, где прежде спал муж. Ей снова захотелось расплакаться, но вместо

этого женщина подошла к шкафу, достала чистое постельное бельё и принялась менять простыню и наволочки. Она делала это торопливо, с раздражением расправляя складки и сердясь на непослушный пододеяльник. Маргарита услышала шум, заглянула в комнату и молча помогла заправить кровать, не спрашивая, зачем подруге понадобилось заниматься этим среди ночи.

Когда всё было готово, Лариса устало опустилась на край постели. Она посмотрела на подругу и неожиданно призналась, что сильнее всего боится завтрашнего утра, когда снова проснётся и вспомнит, что Эдуард больше не живёт дома. Маргарита присела рядом, обняла её за плечи и предложила встретить это утро вместе, а потом решить, чем заняться дальше. Лариса благодарно прижалась к ней, чувствуя, что наконец начинает немного успокаиваться. Однако прежде чем лечь, она снова взяла телефон и открыла переписку с мужем. Последнее сообщение Эдуарда по-прежнему требовало не выносить подробности его личной жизни на публику.

Женщина перечитала эти слова, вспомнила приготовленную для неё речь и с неожиданной злостью закрыла переписку. Ей ещё предстояло пережить развод, научиться жить без человека, которого она любила большую часть жизни, и разобраться с собственными чувствами. Но теперь Лариса уже понимала, что муж собирается использовать её молчание для сохранения собственной безупречной репутации. Она положила телефон на тумбочку и выключила свет, решив, что больше не позволит Эдуарду самостоятельно рассказывать окружающим историю их расставания. Если он рассчитывал получить от неё благодарность за измену, то совершенно напрасно потратил время на подготовку красивой речи.

ГЛАВА 3. ИСТЕРИЧКА, КОТОРУЮ ОН ТЕРПЕЛ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Первое сообщение пришло Ларисе в половине девятого утра, когда о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.